

ГЕРМАНСКИЕ ВОЙСКА ПРОДВИГАЮТСЯ К ВОЛГЕ

Смерть фельдмаршала

Полтава, 14 января 1942 года. Офицеры оперативно-го отдела штаба 6-й армии беседовали, сидя в своей столовой. Обед уже кончился. Мы еще ждали главнокомандующего, генерал-фельдмаршала фон Рейхенау. В этом не было ничего необычного. Во внеслужебное время Рейхенау не отличался пунктуальностью. Случалось ему являться к столу и в спортивном костюме — это было ему нипочем. Мы знали, что он в то утро, как обычно, в сопровождении своего молодого адъютанта, старшего лейтенанта кавалерии Кетлера, тренировался в верховой езде со стрельбой. Оттого, вероятно, он и задержался.

Привычки Рейхенау были нам знакомы, поэтому нас не удивил его поздний приход. Однако поразило нас другое: он шел к столу неверной походкой, словно с трудом держался на ногах. И если он всегда ел охотно, с аппетитом, то сегодня он только ковырял вилкой в своей тарелке. При этом он чуть слышно стонал. Это заметил полковник Гейм, начальник штаба армии. Он с тревогой посмотрел на Рейхенау.

— Вам нездоровится, господин фельдмаршал?

— Не беспокойтесь, Гейм, это скоро пройдет, не обращайте на меня внимания.

В эту минуту меня вызвал в коридор вестовой. Там ждал полковник юстиции Нейман.

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

— Передайте, пожалуйста, фельдмаршалу, что мне нужно, чтобы он срочно подписал кое-какие бумаги. Почта должна быть сегодня же отправлена Главному командованию сухопутных сил (ОКХ).

Когда я передал это Рейхенау, он ответил, что просит полковника Неймана несколько минут подождать.

Я вышел, чтобы уладить вопрос о сроке представления кое-каких документов. В передней я еще немного поговорил с Нейманом и одним из наших офицеров-ординарцев. Тут отворилась дверь и появился Рейхенау. Он подписал поданные ему бумаги. За ним стоял денщик, готовясь подать ему шинель. Но ему не пришлось это сделать: фельдмаршал вдруг пошатнулся. Мы успели подхватить его тяжелое падающее тело.

Еще не придя в себя от испуга, я через несколько секунд стоял уже в столовой клуба перед начальником штаба:

— Господин полковник, фельдмаршал...

Пораженные, все выбежали в переднюю. Генерал-фельдмаршал, еще недавно полный энергии и жизненных сил, сейчас бессильно лежал на руках двух ординарцев. Его словно потухшие глаза пристально смотрели куда-то в пустоту. По-видимому, он был без сознания.

Начальник медслужбы 6-й армии доктор Фладе за два дня до происшествия уехал в командировку в Дрезден. Поэтому я вызвал главного врача госпиталя в Полтаве. Мы отвезли фельдмаршала в автомобиле на его квартиру.

Подоспевший врач установил паралич с поражением центральной нервной системы. Он озабоченно качал головой. Правая рука и правая половина лица Рейхенау были парализованы.

Полковник Гейм немедленно дал знать о происшедшем Главному командованию сухопутных сил и в ставку Гитлера. Ведь Рейхенау был командующим как группы армий «Юг», так и 6-й армии. Теперь и та и другая оста-

УЖАС СТАЛИНГРАДА

лись без руководства. Это было тем более неприятно, что советские войска вели сейчас с флангов успешное наступление на нашу армию.

Когда доктор Фладе был все-таки вызван телеграммой из Дрездена, Гейм предложил ОКХ, кроме того, доставить самолетом в Полтаву профессора Хохрейна, который был домашним врачом Рейхенау в Лейпциге. В тот момент Хохрейн находился на Северном фронте. 16 января профессор Хохрейн и доктор Фладе прибыли в Полтаву на самолете.

Состояние Рейхенау к этому времени значительно ухудшилось. Диагноз гласил: глубокое кровоизлияние в мозг. Вечером 16 января казалось, что наступило небольшое улучшение. Консилиум врачей решил воспользоваться этим, чтобы транспортировать Рейхенау в Лейпциг, в клинику профессора Хохрейна, — если только вообще и там удалось бы помочь столь тяжело больному.

17 января 1942 года в половине восьмого стартовали два самолета. Фельдмаршал не дожид до этого момента. Он скончался перед самым отлетом. В одной машине доктор Фладе сопровождал покойника, в другой летел профессор Хохрейн.

Около 11 часов в поле видимости показался Лемберг¹, где нужно было набрать горючее. Самолет с телом Рейхенау пошел на посадку слишком поздно, врезался прямо в ангар на аэродроме и разбился вдребезги. Тело фельдмаршала было так изуродовано, что его останки пришлось перевязать бинтами. У доктора Фладе оказалась сломана левая рука. Вскоре после этой аварии, 11 февраля 1942 года, он писал в письме к генералу Паулюсу: «Мой пилот считал, что в Лемберге ему будет удобнее приземлиться, и на лету повернул как раз

¹ Так немцы называли г. Львов.

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

туда, где в 11 ч. 30 м. и произошло несчастье при этой попытке... Поистине чудо, что мы все не разбились на смерть, особенно если посмотреть, что случилось с самолетом»¹.

Гитлер приказал организовать за счет государства торжественные похороны фельдмаршала Рейхенау. В качестве представителя 6-й армии на траурной церемонии присутствовал генерал-майор фон Шулер, бывший в течение многих лет адъютантом Рейхенау. Начавшиеся тем временем ожесточенные бои лишали возможности отлучиться кому-либо из начальников отряда нашего штаба.

Новый командующий 6-й армией Паулюс

Руководство группой армий «Юг» было возложено на фельдмаршала фон Бока. 20 января 1942 года он приступил к обязанностям командующего. В тот же день прибыл в Полтаву и генерал-лейтенант Паулюс, вновь назначенный командующий 6-й армией. Вызванная смертью Рейхенау междуцарствие кончилось.

Перед обоими командующими стояли трудные задачи. Соединения Красной армии выбили 294-ю пехотную дивизию с ее позиций в районе Волчанска, северо-восточнее Харькова. В результате наступления по обеим сторонам Изюма в стыке 17-й и 6-й армий советские войска глубоко вклинились в наши позиции. Резервами мы не располагали. Под угрозой оказались Харьков, Полтава и Днепропетровск. Из тех дивизий, которые не подверглись удару, были выделены пехотные батальоны, артиллерийские дивизионы и переброшены на юг для усиления правого фланга армии. Из армейского тылового района была спешно выдвинута охранная дивизи-

¹ Архив автора.

УЖАС СТАЛИНГРАДА

зия, не имевшая тяжелого оружия; ей предстояло задержать восточнее Полтавы острие наступающего советского «клина». Сводные батальоны, составленные из тыловых подразделений, предполагалось использовать для непосредственной обороны находившихся под угрозой городов.

Положение армии было отнюдь не блестящим, когда я встречал Паулюса на аэродроме. Он стоял передо мной высокий, стройный. Сначала он слушал мой доклад сдержанно. Затем на его худом лице появилась улыбка.

— Тоже гессенец?

— Так точно, господин генерал, — ответил я.

— Ну тогда, Адам, мы с вами сойдемся быстро.

Затем Паулюс поздоровался со своим старым знакомым, капитаном Дормейером, начальником офицерского казино, который приехал со мной на аэродром.

Когда мы сели в машину, Паулюс первым делом спросил:

— Как на фронте? Я знаком с вчерашней вечерней сводкой армии. Изменилось ли за это время что-нибудь?

— Нас крайне тревожит вопрос, устоит ли перед растущим натиском Красной армии слабый фронт обороны, созданный из собранных наспех частей и подразделений. Начштаба очень рад вашему приезду.

Паулюс сразу же поехал к полковнику Гейму, начальнику штаба 6-й армии. Гейм вместе с остальными офицерами штаба основательно подготовился для доклада приступающему к своим обязанностям новому командующему. На оперативную карту были нанесены новейшие данные, подсчитаны потери, понесенные нами за последние дни. Начальник оперативного отдела и начальник разведывательного отдела доложили о численности, боевом опыте и боеспособности наших частей.

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

Затем они охарактеризовали состав советских войск и сообщили последние данные разведки.

Полковник Гейм предложил объединить под одним командованием те боевые группы, которые пока входили в различные полки и дивизии, но выполняли одну задачу. Выбор пал на генерала артиллерии Гейтца, командовавшего VIII армейским корпусом. Паулюс знал его как стойкого солдата, на него можно было положиться. Гейтц действительно в короткий срок добился согласованности действий этих боевых групп. Он значительно укрепил их с помощью четкой организации артиллерийского огня и форсированного строительства оборонительных позиций. 113-я пехотная дивизия была передана в VIII армейский корпус и также введена в бой фронтом на юг в месте прорыва южнее Харькова. Казалось, опасность предотвращена.

В эти дни мне неоднократно приходилось видеть, как добросовестно работает Паулюс. Ему была чужда размахистость, свойственная покойному Рейхенау. Каждая фраза, которую Паулюс произносил или писал, была точно взвешена, ясно выражала его мысль, так что не вызывала никаких сомнений. Если Рейхенау был командующим, который легко, не боясь ответственности, принимал решения, и его особенно характерными чертами являлись твердость, несокрушимая воля и отвага, то Паулюс представлял собой полную противоположность. Еще будучи молодым офицером, он получил в товарищеской среде прозвище Кунктатор¹ — Медлитель. Его острый, как клинок, ум, его непобедимая логика снискали ему уважение всех сотрудников. Я не помню такого случая, когда бы он недооценил противника и переоценил собственные силы и возможности. Решение его со-

¹ Кунктатор (латинск. *sunctator*) — от прозвища древнеримского полководца Фабия, уклонявшегося от решительного боя и предпочитавшего занимать выжидательное положение.

УЖАС СТАЛИНГРАДА

зревало только после длительного трезвого обсуждения, только после обстоятельного обмена мнениями с офицерами штаба, во время которого тщательно взвешивались все мыслимые случайности.

В отношениях с подчиненными Паулюс был благожелательным и неизменно корректным начальником. Впервые я убедился в этом, когда ездил с ним в штабы подчиненных ему корпусов и дивизий. 28 февраля днем мне сообщил начальник штаба, что я буду 1 марта сопровождать Паулюса во время его поездки на фронт. Тут он, как бы между прочим, протянул мне полученный с курьерской почтой из управления кадров список получивших очередные звания. Я бегло просмотрел его — одна фамилия была подчеркнута. Начальник штаба, поздравляя, протянул мне руку: с 1 марта 1942 года я был произведен в полковники.

— Ставлю вас в известность сегодня же, чтобы вы могли завтра утром доложить об этом перед отъездом командующему. За год вы из майора стали полковником, этим вы можете гордиться.

И я тогда действительно этим гордился.

Я быстро внес необходимые уточнения на своей оперативной карте. Начштаба ознакомил меня с маршрутом. Наша поездка должна была продолжаться три-четыре дня.

Поездка к корпусам армии

На другое утро часов около восьми мы отправились на легковом вездеходе марки «Кюбель» к соединениям у места прорыва, восточнее Полтавы. Нас сопровождало несколько связных мотоциклистов. Было ясное морозное утро. Даже меховые шубы не спасали от пронизывающего восточного ветра. Дорогу часто преграждали сугробы. Колонны солдат тыловой службы и местные жители были в состоянии расчищать дорогу только от

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

самых больших завалов, да и то ненадолго. Снеговые стены высотой чуть ли не в четыре метра по обочинам дороги ограничивали обзор. Лишь кое-где мелькавшие просветы позволяли увидеть широкую украинскую степь, раскинувшуюся перед моими глазами, словно пустынный край снегов, кристаллы которых сверкали порой на солнце, как бриллианты. Деревья и кусты попадались изредка только у русла ручьев и в селах между низенькими белеными хатами, крытыми соломой или дранкой. На голых ветках топорщились взъерошенные вороны.

По дороге Паулюс разговорился, стал рассказывать о своих опасениях и надеждах.

— Когда я шесть недель назад принял командование 6-й армией, — сказал Паулюс, — я был несколько обеспокоен тем, как сложатся мои отношения с командирами корпусов; ведь все они старше меня и годами, и званиями.

— Я и сам над этим задумывался, — ответил я, — но теперь, после того, что я слышал от корпусных адъютантов, у меня сложилось впечатление, что вы пользуетесь здесь у всех большим авторитетом.

— Это верно, Адам, мне тоже кажется, что я нашел правильный тон. Я хочу воспользоваться этой поездкой, чтобы установить еще более тесную связь с людьми. Ведь задача командующего войсками — создать со своими подчиненными отношения, построенные на искреннем доверии, а необходимое условие для этого — хорошо знать друг друга. Это значительно облегчит руководство. Вам уже приходилось лично иметь дело с командирами корпусов?

— Командирам корпусов полковник Гейм представил меня в первые же дни после моего приезда; командиров дивизий я знаю еще не всех. Пока я мог судить о них только по служебным характеристикам.

УЖАС СТАЛИНГРАДА

— Используйте для более близкого знакомства эти несколько дней. Мы побываем во многих дивизиях. Желательно, чтобы вы, когда мы вернемся, написали свои впечатления о командирах.

— Постараюсь, господин генерал, поговорить и с некоторыми полковыми командирами. Правда, у всех имеются служебные характеристики, но мне хотелось бы составить о них свое собственное мнение.

— Это и правильно, и необходимо. Думаю, что в нынешнем году нам еще предстоят тяжелые бои. При замене выбывших командиров я должен опираться на ваши предложения. Неправильный выбор при замене командира неизбежно влечет за собой вредные последствия для воинской части. Так что внимательно присмотритесь к каждому.

Мы спускались с какого-то пригорка. Машину занесло, и она несколько раз повернулась вокруг своей оси. Водителю не сразу удалось с ней справиться. Разговор, естественно, прервался. Внимание наше приковала гладкая, как зеркало, обледенелая дорога.

Сначала мы заехали к командиру дивизии генерал-лейтенанту Габке, которому подчинена была войсковая часть на западном выступе. Получив краткую информацию об обстановке и действиях частей, Паулюс осмотрел артиллерийские позиции. Они находились на открытой местности, не были ни защищены окопами, ни замаскированы, следовательно, их легко мог обнаружить противник. Это было непростительно.

Паулюс поговорил с наводчиками и командирами орудий.

— Орудия в порядке, боеприпасов достаточно?

— Так точно, господин генерал! — ответил один из командиров орудий.

— Где находятся передки и кони?

— Кони вон там, в сараях, передки около них. — Ар-

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

тиллерист указал на расположенный всего в нескольких сотнях метров поселок.

Командующий снова обратился к командиру орудия:

— Как по-вашему, выгодная это позиция? Почему орудия не замаскированы?

Совсем рядом стояли огромные скирды.

— Почему не используете эти груды соломы?

К нам подбежал командир батареи, он явно побаивался нагоняя. Но Паулюс был не из тех грозных начальников, которые воздействуют только окриком, хотя в данном случае мог бы рассердиться — ведь командир батареи легкомысленно подвергал риску жизнь своих солдат.

— Я как раз говорил с вашими артиллеристами о позициях орудий. Они тут у вас видны как на ладони. Если бы противник вздумал возобновить атаку, от вашей батареи через несколько минут, вероятно, ничего бы не осталось. Перемените вечером позиции и замаскируйте орудия соломой.

Он говорил спокойно, убедительно, товарищеским тоном. Командир батареи стоял перед ним навтыяжку, приложив правую руку к козырьку.

— Так точно, господин генерал! — Он был так растерян, что ничего больше не нашелся ответить.

— Ладно, ладно, наведите порядок.

С этими словами Паулюс оставил ошеломленного офицера.

«Выдохся» ли Тимошенко?

Мы снова сидели в машине и снова отчаянно мерзли, невзирая на наши шубы.

Следующий разговор у нас произошел в районе расположения VIII армейского корпуса в населенном пункте южнее Харькова. Некоторое время Паулюс не говорил ни слова. Он был занят своими мыслями. Вдруг он вскинул на меня глаза.

УЖАС СТАЛИНГРАДА

— Мне непонятно, почему Тимошенко не продолжает наступления. Оборонительная позиция, которую мы с вами только что осматривали, не устояла бы перед решительным ударом.

— Я это уже заметил, когда мы стояли на артиллерийских позициях. Достаточно было переброситься несколькими словами с офицером-наблюдателем, который установил на скирде соломы стереотрубу. Он преспокойно утверждал, что русские мерзнут совершенно так же, как и мы, они-де не будут сейчас наступать. Они, как и мы, закрепились в селах.

— Это-то верно, сейчас в большей или меньшей степени борьба идет за населенные пункты. Но мы должны учитывать, что русские гораздо лучше нас приспособлены для зимы, что они могут неожиданно снова нагреться. Во всяком случае, наш штаб в Полтаве по-прежнему находится под угрозой.

— Я, господин генерал, того мнения, что Тимошенко выдохся, иначе он все-таки воспользовался бы благоприятной для него ситуацией.

— Я не разделяю вашего мнения, Адам. Русские действуют систематически, они не пойдут легкомысленно на риск. Полагаю, мы сегодня вечером еще основательно обсудим этот вопрос. Послушаем раньше, как оценивает ситуацию генерал Гейтц, он уже давно на этом участке фронта.

Гейтц нас ждал. Он был небольшого роста, с четкой выправкой. Выступающая нижняя челюсть придавала его узкому лицу какое-то жестокое выражение.

Меня интересовало, как Паулюс будет вести обсуждение обстановки. Его не могла удовлетворить поверхностная характеристика положения на участке фронта. Будучи опытным генштабистом, он стремился получить точное представление об обстановке, расспрашивал об источниках сведений о Красной армии, мгновенно вникал в суть вопроса, умел отделить несущественное от

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

главного, обсуждал и взвешивал различные варианты действий русских и требовал соответствующего решения задачи.

Генерал Гейтц особо подчеркнул мощь советских танковых подразделений, затем резюмировал:

— Если русские соберут здесь ударный кулак, то Харьков нам не удержать, опасность будет угрожать 6-й армии с тыла. Нам не хватает крупнокалиберных противотанковых орудий. Прошу предоставить мне несколько батарей зенитных орудий калибра 8,8. Они дали бы нам возможность отбить атаку вражеских танков.

Паулюс вполне сознавал, какая опасность грозила немецким войскам в Харькове. Разумеется, следовало раньше проверить, можно ли и какие именно зенитные батареи выделить для генерала Гейтца. Обратившись к нему, Паулюс сказал:

— По приезде в Харьков я поговорю с начальником штаба армии. Надеюсь, мы сможем вам помочь.

В Харькове нас ждали ординарцы. Квартыры мы заняли в маленьких домиках на окраине. Обе комнаты и кухня были обставлены уютно, а главное, особенно после этой поездки в лютый мороз, — на нас повеяло приятным теплом. Поужинали мы вместе на квартире у Паулюса. Я жил рядом, в соседнем домике. Нам подали картофельные оладьи и настоящий кофе.

После ужина мы еще долго сидели вдвоем. Командующий возобновил начатый днем разговор.

— Как я уже говорил вам, Адам, я не разделяю вашего мнения о том, что боеспособность Красной армии понизилась. Под Москвой русские не только задержали наши танки, но даже, как вам известно, перешли 5 декабря 1941 года на Калининском фронте в наступление, далеко отбросили наши войска и нанесли нам весьма чувствительный урон. Я наблюдал этот первый период, еще будучи в штабе сухопутных сил.

УЖАС СТАЛИНГРАДА

— Я заново глубоко продумал ситуацию, господин генерал. Красные действительно показали под Москвой, какие еще большие возможности у них имеются. Они быстро нащупали наши уязвимые места, прорвали наши позиции и отбросили нас в глубокий тыл. Мне писал об этом генерал Шуберт, адъютантом которого я был до ноября прошлого года. Его XXIII армейский корпус был много дней в окружении под Ржевом; только напрягая последние силы, ему удалось вывести войска. Многие пункты, которые мы захватили ценой больших жертв, теперь потеряны, например Торопец.

— Да, Адам, у Ржева положение чрезвычайно осложнилось; к тому же мы потеряли очень много ценного материала. Наступление русских на Центральном фронте создало большие трудности для Главного командования сухопутных сил. Было неясно, каким способом удастся закрыть зияющие бреши прорыва. Вы сами понимаете, что меня крайне тревожит положение нашей армии. Прорвавшаяся у Изюма армия Тимошенко угрожает нашему глубокому флангу к югу от Харькова. Силы, противостоящие тимошенковской армии, не в состоянии отразить новое наступление. Не устранена еще и опасность на северо-востоке от Харькова, у Волчанска. Новые силы еще не прибыли для подкрепления, так что мы можем оказаться в таких обстоятельствах, когда нам придется удерживать нынешние позиции, опираясь на уже действующие там соединения; более того, с их помощью можно скорее ликвидировать вклинения противника. Пока это не сделано, мы находимся в чрезвычайно опасном положении.

Перед нами лежала карта. На ней были нанесены последние данные оперативной сводки. Паулюс поговорил по телефону с начальником штаба о ходатайстве генерала Гейтца, чтобы южнее Харькова были использованы для противотанковой обороны зенитные пушки калибра 8,8. Начальник штаба информировал командующего об обстановке на других участках фронта армии. Я слушал

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

рассеянно. Наш разговор с Паулюсом не слишком способствовал моему душевному равновесию.

Я мысленно восстанавливал перед собой сегодняшние события. Кое-кто из строевых офицеров был настроен мрачно. У многих солдат не осталось и следа от прежнего подъема, от веры в победу, воодушевлявшей их в первый год войны. Достоверно было одно: Гитлер и Главное командование сухопутных сил сознательно или невольно лгали, когда бахвалились перед всем миром, что Красная армия разбита. Разбитая армия не может без передышки атаковать в разных местах посреди зимы.

Но к чему эти сомнения? Вот кончится зима, тогда дело пойдет на лад. Так убеждал я самого себя. Однако в ту ночь мне долго не спалось.

На другой день мы побывали в дислоцированных в Харькове штабах XVII армейского и XL танкового корпусов. С командиром танкового корпуса, генералом танковых войск Штумме, я встретился здесь впервые; в армии ему дали шутовское прозвище «шаровая молния». Кличка эта очень подходила к маленькому, толстому, живому, как ртуть, генералу. Его танковые дивизии отеснили противника, который прорвался было в наши позиции на северо-востоке от Харькова. Понравился мне Паулюс и здесь, в беседе с командирами корпусов и начальниками штабов. Он не кичился своим высоким званием, а старался убедить подчиненных в правильности своей точки зрения. Его манера держаться произвела благоприятное впечатление и на генералов. Я с удивлением заметил, что они отнеслись к командиру с должным уважением.

Страшное зрелище в Белгороде

Через два дня мы выехали в Белгород, в XXIX армейский корпус. Я радовался предстоящему свиданию с начальником штаба полковником фон Бехтольсгеймом.

УЖАС СТАЛИНГРАДА

Мне довелось много месяцев работать с ним в штабе XXIII армейского корпуса. Паулюс тоже знал его довольно близко. Во время польской и французской кампаний Бехтольсгейм был начальником оперативного отдела 6-й армии.

Мы уже подъезжали к городу, когда Паулюс показал направо и сказал:

— Смотрите, здесь шоссе, играющее такую жизненно важную роль для снабжения войск в районе Белгорода, почти не пострадало. Вы знаете, что 294-я пехотная дивизия оказала лишь слабое сопротивление атакующему противнику; часть ее, спасаясь бегством, отступила туда, вот до той небольшой возвышенности. Восстановить прежнее положение удалось только при поддержке наших танков.

Вскоре мы прибыли в Белгород. И тут в центре города перед нами внезапно открылась страшная картина. Меня охватил ужас. Посреди большой площади стояла виселица. На ней раскачивались трупы людей в штатской одежде. Паулюс побледнел. Глаза этого обычно спокойного человека выражали глубокое возмущение. Он гневно воскликнул:

— Да как они смеют делать свое преступление публичным зрелищем! Я же отменил приказ Рейхенау, как только приступил к своим обязанностям!

Я очень хорошо помнил этот приказ Рейхенау. Это произошло в ноябре 1941 года. Я был переведен в штаб 6-й армии и направлен к месту своего назначения. Мне сразу стало ясно, какой царит здесь дух. Прямо на лестничной площадке у входа в оперативный отдел висело большое объявление с текстом этого приказа, имевшего следующий заголовок: «О поведении войск в оккупированных странах Восточной Европы» и подпись: «фон Рейхенау, генерал-фельдмаршал». То, чего требовал приказ от военнослужащих, было чудовищно. Он призывал к поголовному убийству русского населения, вклю-

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

чая женщин и детей. Это уже не имело ничего общего с методами ведения войны в моем понимании. Приказ Рейхенау превзошел даже «приказ о комиссарах», согласно которому предписывалось с политическими комиссарами Красной армии обращаться не как с солдатами или военнопленными, а требовалось изолировать их и сразу же поголовно истреблять¹.

Приняв командование 6-й армией, Паулюс отменил приказ Рейхенау. Тем не менее в Белгороде продолжала стоять виселица.

Командир корпуса фон Обстфельдер и полковник генерального штаба фон Бехтольсгейм ждали нас у входа в свою штаб-квартиру. Паулюс спросил Обстфельдера:

— За что повесили мирных жителей?

Обстфельдер вскинул глаза на своего начальника.

— Комендант гарнизона арестовал их как заложников, потому что многие наши солдаты были найдены в городе убитыми. Заложников повесили на главной улице для примера и устрашения.

Паулюс стоял перед офицерами чуть сгорбившись, лицо его нервно подергивалось. Он сказал:

— И, по-вашему, этим можно приостановить действия партизан? А я полагаю, что такими методами достигается как раз обратное. Я отменил приказ Рейхенау о поведении войск на Востоке. Распорядитесь, чтобы это позорище немедленно исчезло.

Таков был Паулюс. Мечь и зверская расправа были несовместимы с его понятием воинской чести. Он отменил приказ Рейхенау. Но Паулюс дальше этого не шел. Правда, он был глубоко возмущен и потребовал убрать виселицу. Однако комендант белгородского гарнизона,

¹ «Приказ о комиссарах» был издан 6 июня 1941 г. главной ставкой как «совершенно секретный документ, пересылавшийся только через офицеров». Он назывался «Директивой об обращении с политическими комиссарами».

УЖАС СТАЛИНГРАДА

вопреки приказу командующего армией казнивший заложников, остался безнаказанным. Я и сам тогда никак не реагировал на эту непоследовательность Паулюса.

На четвертый день мы вернулись в Полтаву.

Мрачные настроения в тылу

Больше двух лет я не был в отпуске. В результате обследования, которое я прошел у армейских терапевтов, наш главный врач профессор Хаубенрейсер рекомендовал мне выпросить себе наконец законный отпуск. Паулюс удовлетворил мою просьбу, несмотря на напряженное положение. На своего заместителя я мог положиться — он был инструктирован мной во всех вопросах, — и еще до наступления Пасхи я собирался выехать из действующей армии.

Командующий группой армий разрешил Паулюсу взять отпуск на несколько пасхальных дней, чтобы присутствовать в Берлине на крестинах своих внуков-близнецов.

Мы отправились на родину вместе. Из Полтавы до Киева нас доставил специальный поезд фельдмаршала фон Бока; автомобиль Паулюса мы везли на платформе. Паулюс хотел ехать от Киева до Берлина на легковой машине.

Одной из наших авторемонтных рот в Киеве было приказано предоставить мне легковую машину до германской границы. Меня сопровождал молодой адъютант нашего штаба. Из Киева мы, не задерживаясь, двинулись дальше. Сначала все шло как будто гладко. Однако к вечеру поднялась сильная метель, так что с трудом можно было различить дорогу. Мы решили ночевать в Житомире и на рассвете выехать. Но в те дни меня преследовала неудача. Когда в темноте машину заправили, она вдруг соскользнула в кювет, и у мотора сломалась выхлопная труба. На другое утро я отправился в авторемонтную мастерскую. Мне пришлось пустить в ход

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

все свое красноречие, чтобы машину немедленно привели в порядок. Только к полудню смогли мы снова продолжать путь. Мы заправили бак и наполнили запасную канистру — к счастью! Машина шла хорошо, метель прекратилась. Мысленно я уже был в Кракове, откуда решил ехать эшелоном отпускников, идущим по расписанию во Франкфурт-на-Майне.

В веселом настроении, как и подобает отпускнику, я завел разговор с водителем, молодым солдатом, по специальности слесарем.

— Вы давно в армии?

— С начала войны, господин полковник.

— А с каких пор в авторемонтной роте?

— После обучения меня перевели туда в качестве слесаря по ремонту, я не расставался с ротой во время всей западной кампании.

— Ну как, нравится вам Киев? Я вчера после обеда видел город только мельком, но он произвел на меня хорошее впечатление.

— Да, господин полковник, Киев — красивый город, и жилье у нас тут хорошее, и в авторемонтной мастерской все как положено. Оно бы хорошо, не будь здесь так неспокойно.

— То есть как это?

— Я бы не советовал вам одному выходить вечером на улицу. За то время, что мы здесь, бесследно пропало очень много солдат и офицеров. Не из нашей части, нас то сразу предупредили. Когда мы вечером идем в кино или в солдатский клуб, мы всегда собираемся большой группой. С оружием мы не расстаемся.

— Ну-ну, не так страшен черт, как его малюют!

— Господин полковник, я не преувеличиваю. Партизаны есть и в самом городе, они устраивают налеты. Лучше бы нам стоять в каком-нибудь городишке, где все жители наперечет. А самое лучшее дело было бы, если бы война поскорее кончилась.

УЖАС СТАЛИНГРАДА

— Скучаете, должно быть, по Западу?

— Там-то было во всех отношениях приятнее. Да, хорошее было времечко, ничего не скажешь.

— А теперь, стало быть, война вам осточертела?

— По правде говоря, да, господин полковник. Послушали бы вы, как ругаются наши старые вояки. Отпускники рассказывают, что в снегу под Москвой полегло много наших солдат. Мой приятель привез с собой из дому, из своего городишки, местную газету — в ней целые страницы сплошь заняты объявлениями о смерти.

Мы выехали на дорогу, только что посыпанную щебнем. Под машиной перекатывались крупные, величиной с кулак, камни. Водитель сбавил скорость. Но через несколько сот метров уже можно было ехать быстрее. Мы приближались к Ровно. Адьютант, сидевший за мной, тронул меня за плечо.

— Господин полковник, кажется, с машиной опять неладно, мы оставляем за собой след: то ли бензобак течет, то ли радиатор.

Мы остановились. В бензобаке оказалась дырочка, пробитая камнем. Из пробоины сочился бензин. Наполнив бак из запасных канистр, мы добрались до заправочной станции в Ровно. Авторемонтной мастерской там не оказалось. Водитель законопатил дырку и снова наполнил все баки. Израсходовав бензин до последней капли, мы добрались до Перемышля и поставили машину в одной из мастерских вермахта. Дежурный механик автобазы заявил, что ремонт продлится не меньше двух дней. Поэтому я решил ехать на другое утро поездом. Через полтора дня я был во Франкфурте-на-Майне. Зато эта часть пути прошла без происшествий. А еще через несколько часов меня встретила жена на вокзале в Мюнценберге, в маленьком гессенском городке неподалеку от курорта Наугейма.

На другое же утро я отправился к своему старому знакомцу столяру Гартману, который на редкость тонко

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

разбирался в политике и истории. Я сидел в его маленькой мастерской, а он продолжал работать, и мы говорили с ним несколько часов подряд.

Разговор шел о войне.

— Жители в нашем городишке настроены по-разному. У кого близкие на Западе или в Северной Европе, те, как и прежде, довольны. Вы даже представить себе не можете, чего только не шлют им оттуда наши солдаты: продукты, ткани, белье, платья. Женщины, которые в мирное время едва могли купить себе пару чулок, сейчас разгуливают в мехах. Им не приходится дрожать за жизнь своих мужей и сыновей. Так-то можно и войну вытерпеть.

Совсем иначе обстоит в семьях, чьи близкие на Восточном фронте. Они живут в вечном страхе. Каждый день почтальон может вернуть им письмо на фронт с пометкой: «Пал на поле чести». Надо же хоть кое-что сообщать да научиться читать военные сводки между строк. Нас отбросили далеко назад. Под Москвой, как видно, немецкая кровь лилась рекой. Загляните-ка в эту газету.

Действительно, то, о чем рассказывал мне по дороге мой молодой шофер, не было преувеличением. Газетные полосы были сплошь заполнены объявлениями о смерти.

— Геббельсу не скрыть от народа это поражение. Его уличают во лжи рассказы отпускников и раненых при отступлении под Москвой. Могу только сказать вам, что настроение быстро падает. И с каждым днем все больше людей в нашем городе мечтает, чтобы война кончилась. Даже некоторые «Пг»¹ — и те перестали болтать о «победном конце». Я и не верю, что мы можем одолеть рус-

¹ «Пг» (Pг. — партейгеноссе) — член нацистской партии.

УЖАС СТАЛИНГРАДА

ского богатыря. В своей самонадеянности Гитлер бросил вызов всей Европе, какой уж тут может быть хороший конец.

Сидя на верстаке, я слушал старого мастера. Иногда он откладывал рубанок, чтобы набить табаком трубку или поднести к ней лучинку, зажженную от печки, на которой он растапливал столярный клей.

Старик Гартман был глубоко религиозен, он регулярно ходил в церковь, и на верстаке перед ним всегда лежала Библия.

— Коммунисты не хотят иметь ничего общего с религией, — говорил он, — поэтому я против коммунизма. Я действительно вовсе не сторонник русских. Но я и не национал-социалист. Как послушаешь отпускников, так волосы дыбом встают. Невинных людей убивают, вешают мирных жителей. С этим я никак не могу согласиться. Нет, это ни к чему хорошему не приведет. Да притом война на два фронта. Мы не можем ее выдержать. Это показала еще Первая мировая война. У России гигантская территория и большие людские ресурсы.

— Ничего, справимся! — сказал я и простился со своим старым знакомцем. Однако то, что я от него услышал, снова дало пищу сомнениям, которые лишили меня сна несколько недель назад, после беседы с генералом Паулюсом. Много ли есть в тылу людей, которые думают, как этот столяр? Я прислушивался к речам окружающих, разговаривал с крестьянами, мелкими торговцами, рабочими, учителями. Чаще всего они были со мной осторожны, избегали отвечать на мои вопросы. В их глазах я был высокопоставленный военный. Вот это-то меня и смущало, вот отчего мне не удавалось рассеять свои сомнения. Впрочем, жена рассказывала мне, что люди у нас живут в постоянном страхе перед гестапо. Необдуманное слово могло навлечь на человека арест и ссылку в концлагерь. Повсюду царило взаимное недоверие. Подавленное настроение я наблюдал и в Эйхене, когда

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

ездил к своему брату. Многие из моих юных родичей погибли на фронте, и все это были крестьянские сыновья, которые когда-нибудь унаследовали бы родительский хутор. В былые времена я с удовольствием ездил в свою родную деревню к родственникам и друзьям. А теперь мне пришлось выражать им соболезнование по поводу постигших их утрат. Почти всюду встречались мне женщины с заплаканными лицами.

Из отпуска — к начальнику управления кадров

По возвращении из Эйхена я застал в Мюнценберге телеграмму от коменданта Франкфуртского гарнизона: «Согласно приказу 6-й армии, немедленно прервать отпуск, явиться завтра в управление кадров сухопутных сил в Берлине».

Это был неприятный сюрприз. Моя жена совсем приуныла. Как она радовалась моему отпуску, какие только планы мы с ней не строили! А теперь все рухнуло. Я быстро собрался. Разлука и мне давалась тяжело.

В Наугейме я поспел к ночному поезду на Берлин. Прибыв туда в первой половине дня, я сразу же явился в управление кадров сухопутных сил. Меня уже ждали, и дежурный офицер тотчас препроводил меня дальше, к курьерскому поезду на Летцен. Так что я мог только по телефону приветствовать своего шурина подполковника Вагнера, начальника отдела в Главном штабе вермахта (ОКБ).

В Летцене знали о моем приезде. Здесь я наконец узнал, почему я должен прервать отпуск: надо лететь в Полтаву, где начальник управления кадров сухопутных сил генерал Кейтель¹ созывает совещание армейских адъютантов группы армий «Юг».

¹ Однофамилец фельдмаршала Кейтеля — начальника Верховного командования вооруженными силами.

УЖАС СТАЛИНГРАДА

Я переночевал в специальном поезде генерал-фельдмаршала фон Браухича. Поезд, находившийся в лесу под Летценом, был замаскирован. Он состоял из нескольких спальных вагонов, вагона-ресторана и салон-вагона с креслами и столом. Комендант поезда отвел мне с моим адъютантом отдельное купе.

Когда на другое утро я вышел из автомобиля на Летценском аэродроме, личный самолет генерала Кейтеля был уже готов к вылету в Полтаву. Сам генерал прибыл вслед за мной в сопровождении нескольких начальников отделов управления кадров сухопутных сил.

Обуреваемый весьма различными чувствами, ждал я отлета. Поднялся сильный ветер.

Мы заняли свои места, самолет стартовал, под нами раскинулось озеро. Уже на высоте нескольких сот метров нас стало болтать. До этого я никогда не болел воздушной болезнью. Но тут мне досталось крепко. Когда мы делали промежуточную посадку в Житомире, ноги у меня были как ватные. Вполне понятно, что я не имел ни малейшего желания вылезать из машины. Правда, потом лететь было приятнее, и все же, когда я в Полтаве почувствовал под ногами твердую почву, я обрадовался.

Совещание началось на другое утро в здании штаба группы армий. Кроме Кейтеля и начальников отделов управления кадров, в совещании участвовали: 1-й адъютант группы армий «Юг» полковник фон Вехмар, 1-е адъютанты 2, 6, 11 и 17 армий, а также 1 и 4-й танковых армий. Нам было поручено установить, соответствуют ли своим должностям командиры частей и подразделений, доложить о не справляющихся со своими обязанностями командирах управлению кадров и представить свои соображения, как следует их использовать в дальнейшем, и рекомендовать кандидатов на их место, по возможности из офицеров соответствующей армии.

Наша 6-я армия предложила назначить подходящих

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

для этого старших лейтенантов батальонными, а молодых проверенных майоров — полковыми командирами. Через месяц они будут утверждены на должности командира, а еще через два месяца им будет присвоено очередное звание независимо от срока выслуги лет. Это предложение было одобрено. Управление кадров рекомендовало 1-м адъютантам в случае потери командиров действовать по примеру 6-й армии. Я подчеркнул, что досрочное производство в высший чин не только подняло бы авторитет офицеров в глазах их коллег, имевших то же звание, но и подстегивало бы честолюбие офицеров.

Генерал Кейтель потребовал, чтобы в группе армий перед началом наступления был создан резерв командного состава из офицеров всех званий.

К вечеру совещание кончилось. Сразу же после него я доложил о результатах начальнику штаба и Паулюсу. Вскоре на нас навалились всевозможные заботы. О продолжении отпуска нечего было и думать.

Немецкий фельдфебель возвращается из советского плена

Вскоре на одном из участков к югу от Харькова возник очередной кризис. Советское командование, видимо, вновь пыталось прорвать нашу оборону. Удар удалось парировать, пустив в ход зенитные орудия калибра 8,8 и вновь прибывшую дивизию. Однако советским частям удалось захватить некоторое количество пленных из 44-й пехотной дивизии. В их числе был — фамилию я его забыл — некий фельдфебель, командир взвода пехотного полка. Через несколько дней дивизия сообщила, к нашему удивлению, что взятый в плен фельдфебель вернулся в свою воинскую часть. Разведывательный отдел дивизии в своем донесении добавлял, что вернувшийся фельдфебель всюду рассказывает, будто бы солдаты и

УЖАС СТАЛИНГРАДА

офицеры Красной армии обращались с ним хорошо. Эти сообщения, шедшие вразрез с нашей пропагандой, вызвали немалое волнение в разведывательном отделе штаба армии. Я присутствовал при том, как начальник отдела докладывал о происшествии на обсуждении обстановки у начальника штаба. Он уже приказал доставить в штаб армии фельдфебеля в сопровождении одного из офицеров, так как эта история казалась ему весьма загадочной. Допрошенный офицером разведки фельдфебель сообщил, что ему удалось бежать из плена. Тем не менее с пленными, по его словам, обращались более-менее гуманно.

Все это казалось нам неправдоподобным. Начальник разведывательного отдела считал, что фельдфебель подослан в свою часть в целях ее деморализации. Если даже это не так, то его пребывание там подрывает моральное состояние этой части. Поэтому он предложил перевести фельдфебеля в запасную часть с категорическим запрещением посылать его на Восточный фронт. С предложением согласились.

Принятая мера не могла все же помешать оживленным толкам, возникшим в дивизии по поводу происшествия. Большинство стояло на той точке зрения, что пленный был отослан обратно с вполне определенным заданием, поэтому с ним так хорошо и обращались. Сообщению его верили лишь немногие. Но нам так никогда и не стало известно, что произошло в действительности.

Случай с фельдфебелем дал пищу для разговоров и среди офицеров штаба армии. Я вполне допускал, что в данном случае это не было бегством из плена, однако сомневался в том, целесообразно ли переводить фельдфебеля в запасные части, о чем и сказал Паулюсу.

— Не вызовем ли мы таким образом сами нежелательную дискуссию в полку, да, пожалуй, и в дивизии? Ведь фельдфебель получил от своего ротного команди-

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

ра хорошую характеристику, он известен как образцовый, верный своему долгу солдат, который всегда вел себя хорошо. У него не было ни одного взыскания, его уважают и начальники, и подчиненные. Мне кажется, что именно тогда и начнутся те самые неприятные разговоры, которых мы хотим избежать. Немало солдат станет сомневаться в правдивости нашей пропаганды.

Командующий задумался, потом ответил:

— Попробуем стать на сторону вернувшегося из плена, предположим, что он не имел особого задания. Даже тогда его пребывание в части представляет собой известную опасность. Ему все время придется давать объяснения. Оборот, который приняли обстоятельства, благоприятствует вражеской пропаганде. Поэтому я согласен с предложением нашего отдела контрразведки.

Я говорил также с офицером, который вел допрос, и изложил ему свои опасения.

Он улыбнулся:

— Эту опасность мы тоже предусмотрели и поэтому информировали дивизию следующим образом: дополнительная проверка в штабе армии показала, что все, что рассказывал фельдфебель, не соответствует действительности. Вернее всего, он получил от русских задание подстрекать своих товарищей к дезертирству.

Я онемел от удивления. Затем спросил:

— Это что, вполне достоверно?

— Конечно, это не буквально так, — отвечал офицер, — но я того мнения, что таким путем будет положен предел обсуждению этой истории.

Долго еще потом размышлял я над тем, каким способом и с помощью каких приемов разделались с этой проблемой. Разумеется, и здесь обнаруживалось противоречие между нашей официальной пропагандой и действительностью. Мы все постоянно внушали нашим солдатам, что русский не оставляет пленных в живых. Он-де их допрашивает и тут же приканчивает. Между

тем фельдфебель рассказывал о немецких солдатах, которые попали в плен еще в 1941 году. Им, по его словам, жилось сносно. Кому же верить? Фельдфебель называл фамилии и воинскую часть солдат, с которыми он виделся и говорил по ту сторону фронта. Эти сведения можно было проверить. Изобличить его во лжи было бы легко. Но какую цель преследовали красные, отправив обратно нашего командира взвода? Какое он фактически получил задание?

И как это бывает, когда мысли блуждают, мне пришло на память другое впечатление, запомнившееся мне в нашем штабе. Полковник фон Бехтольсгейм, начальник штаба XXIX армейского корпуса, получил назначение во Францию на пост начальника штаба 1-й армии. Его преемник, полковник генерального штаба Кинцель, прежде бывший начальником отдела иностранных армий генерального штаба сухопутных сил, пришел доложить о своем прибытии Паулюсу, и мы пригласили его с нами отобедать. В разговоре Паулюс выразил недоумение по поводу того, что Главное командование сухопутных сил, особенно Гитлер, утверждает, будто бы Красная армия уничтожена.

— Ведь то, что об этом не может быть и речи, доказывают действия Красной армии с января, особенно под Москвой, да и здесь, у нас. А вы какого мнения, Кинцель?

— В моем отделе никогда не поддерживали тезис Гитлера, многократно им повторявшийся, будто Красная армия разбита. Я в моих докладах постоянно указывал фюреру, что, по имеющимся у нас всячески проверенным сведениям, Советский Союз только сейчас начинает разворачивать в полном объеме свою военную мощь. Он сформировал многочисленные новые армии, его военная промышленность работает полным ходом. Но об этом Гитлер не хотел и слушать, потому что действительность расходится с его мечтами. Одним махом руки он смел со стола наши рапорты.

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

Поистине это звучало неутешительно. Если главнокомандующий в своих решениях исходит из таких неверных предпосылок, то мало ли к каким непредвиденным последствиям это приведет. Но почему потворствует этому генералитет в Главном командовании сухопутных сил и вермахта, почему генеральный штаб потворствует распространению подобной дезинформации? Да это же безумие — основывать стратегию и тактику ведения войны на лживой пропаганде! Неужели такое легкомыслие в самом деле возможно?

Вопрос этот не выходил у меня из головы. Но мне и не снилось тогда даже в самых страшных снах, каким мучительным путем приду я к познанию истины. Прежде всего я доверял Паулюсу. Он не стал бы предаваться беспечности, согласившись с такой безответственной недооценкой противника. Он руководился бы своим здравым смыслом. Это он и доказал сразу же в первые недели, когда принял командование 6-й армией.

Обсуждать возникающие у меня сомнения с начальством или с равными мне по рангу товарищами я полагал невозможным, да и опасным. Правда, я как раз тогда познакомился с одним офицером, прямолинейность которого меня привлекала, — с новым начальником инженерных войск армии полковником Зелле. Но мы знали друг друга еще слишком мало. Кроме того, он носил золотой значок члена нацистской партии¹. Несмотря на критические замечания, которые он подчас высказывал, я тогда считал его убежденным сторонником Гитлера. Только с течением времени я установил, что Зелле тогда и сам во многом сомневался и пережил тяжелое разочарование в гитлеровской стратегии. Позднее мы стали друзьями.

¹ Золотой значок НСДАП вручался тем ее членам, которые состояли в партии со времени ее основания.

Фриче — фюрер пропаганды

Предстояло большое наступление летом 1942 года. Главное командование сухопутных сил прикомандировало к штабу 6-й армии в качестве офицера связи майора генерального штаба Менделя. Благодаря своей скромности и умению молчать он очень скоро установил контакт с оперативным отделом и пользовался всеобщим доверием. Незадолго до начала боевых действий нам преподнесли еще один сюрприз. В наш штаб был прикомандирован один из руководящих деятелей министерства пропаганды — Фриче — в качестве военного корреспондента. Он пришел представляться Паулюсу в мундире зондерфюрера, что соответствует званию капитана.

После нашей обычной дневной прогулки я сидел у полковника Фельтера, начальника нашего оперативного отдела. В беседе с ним я спросил:

— Зачем понадобилось присылать к нам одного из ближайших сотрудников Геббельса?

— По-видимому, в верховных штабах ждут перелома в ходе войны. В войсках и в тылу наш провал под Москвой сильно поколебал веру в близость победного конца. Настроение пониженное не только в нашей армии. С помощью специальных корреспонденций о победах на Восточном фронте верховное командование хочет поднять настроение. Уничтожив прорвавшиеся южнее Харькова русские войска, а главное, развернув нынешним летом наступление, мы должны дать пищу для новых победных репортажей. Сотрудник Геббельса Фриче получил задание писать зажигательные репортажи. Он сразу же, как только приехал, попросил нас назвать ему солдат и молодых офицеров, которые отличились в оборонительных боях. Но вы это и сами знаете, — заключил свой рассказ мой собеседник.

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

— Насколько мне известно, Фельтер, он к вам час-тенко наведывается.

— Да уж конечно. Старается выкопать в утренних и вечерних сводках материал, из которого можно что-нибудь состряпать для прессы и радио.

— Первые плоды его трудов уже налицо. В киевской солдатской газете я читал его очень ловко сделанные фронтовые очерки. Он действительно умеет повседневное изображать как героическое. А какому же солдату не будет лестно, что его фамилия названа в газете? Любопытно было бы посмотреть, проявит ли наш военный репортер такую же активность, когда разгорится настоящая драка.

— Вот об этом и я себя спрашиваю. Впрочем, это мы увидим. Кстати, он, надо думать, прислан сюда и как осведомитель. А так как у нас и без него дел хватает, то пошлем его в дивизию. Где-где, а уж там он сможет услышать собственными ушами шум боя.

Наступательные планы Гитлера в 1942 году

— Знаете, Фельтер, я вам не завидую: сейчас на вас свалилась двойная работа — подготовить уничтожение противника, прорвавшего наши позиции южнее Харькова, и сверх того составить план большого летнего наступления. Это действительно не самое приятное. Адъютант группы армий сказал мне, что сюда уже направлены различные дивизии, заново укомплектованные во Франции для летнего наступления.

Будем надеяться, что нам не понадобится спасать положение к югу и северу от Харькова с помощью этих дивизий в качестве, так сказать, пожарных команд. За последние дни в обоих местах вклинения усилилась деятельность советской разведки. Командиры корпусов очень встревожены. Они настойчиво требуют подкреплений, так как ждут, что противник перейдет в наступление.

УЖАС СТАЛИНГРАДА

Директива Гитлера № 41 от 5 апреля 1942 года определила для группы армий «Юг» цели летнего наступления 1942 года. Осуществление комплекса операций должно начаться наступлением из района южнее Орла в направлении на Воронеж. Для этого предназначались 2, 4-я танковая и 2-я венгерская армии. Задачей нашей 6-й армии было прорваться из района Харькова на восток и во взаимодействии с продвигающимися вниз по Дону моторизованными частями 4-й танковой армии уничтожить силы противника в междуречье Дона и Волги. После этого, в третьей фазе летнего наступления, 6-я армия и 4-я танковая армии должны были соединиться в районе Сталинграда с силами, наступающими на восток от Таганрога и Артемовска. Достигнув Сталинграда, предстояло уничтожить этот важный военно-промышленный центр и крупнейший узел путей сообщения.

В заключение операции предусматривался прорыв через Кавказский хребет. Было ясно, что Гитлер зарится на богатейшие нефтяные источники, которые к тому же были решающими для дальнейшего ведения войны.

Весна 1942 года: битва за Харьков

В начале мая в район Харькова прибыли некоторые ожидавшиеся из Франции дивизии, в том числе и 305-я Боденская дивизия, а с ней и мой тогда еще не знакомый мне соавтор, мой будущий друг Отто Рюле, служивший в моторизированной санитарной роте.

Подготовка к переброске наших войск для летней кампании 1942 года шла полным ходом. Но на долю 6-й армии выпало еще одно тяжелое испытание. Советские соединения, располагавшие значительными силами, включая и многочисленные танки, предприняли 12 мая новое наступление с Изюмского выступа и под Волчанском.

Для нас создалось угрожающее положение. Наносящим удар советским войскам удалось на ряде участков

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

прорвать нашу оборону. 454-я охранная дивизия не устояла перед натиском. Случилось то, чего Паулюс опасался еще 1 марта. Дивизия отступила. Пришлось отвести километров на десять назад и VIII армейский корпус, так как венгерская охранная бригада под командованием генерал-майора Абта не смогла противостоять наступающему противнику. Советские танки стояли в 20 километрах от Харькова. Правда, 3 и 23-я танковые дивизии пытались нанести контрудар, но безуспешно.

Почти столь же серьезным было положение под Волчанском, северо-восточнее Харькова. Понадобилось ввести в бой буквально последние резервы 6-й армии, чтобы задержать противника. Но затем наступил перелом. 17 мая к Изюмскому выступу с юга подошла армейская группа «Клейст» с III танковым корпусом под командованием генерала фон Макензена. Одновременно с севера развернула большое наступление 6-я армия. В ожесточенной борьбе удалось окружить наступавшие советские соединения. Это были две изматывающие недели. Ни днем, ни ночью мы не снимали с себя сапог, не говоря уже об одежде.

29 мая весеннее сражение за Харьков кончилось.

Опасный прорыв под Изюмом был ликвидирован. Паулюс получил Рыцарский крест. Командный пункт армии был переведен из Полтавы в Харьков.

Фриче получает выговор

С нетерпением ждал зондерфюрер Фриче начала операции под Харьковом. Затем его перо застрочило, снабжая тыл блистательными, воодушевляющими корреспонденциями с поля сражения. Они придавали бодрость многим немцам, усомнившимся и павшим духом. В памяти многих людей бледнели ужасы лютой русской зимы, неудачи под Москвой и в Крыму. Наверное, Фриче считал, что всем потрафит, поместив в солдатской газе-

те, издававшейся в Киеве, статью, в которой он прославлял как великого полководца Паулюса, в ту пору получившего звание генерала танковых войск. Нашей последней победой, писал Фриче, мы обязаны в первую очередь осторожному и целеустремленному руководству Паулюса. Помню, как мы в штабе армии радовались и гордились, читая эту статью. Зондерфюрер сразу выиграл в нашем мнении. Однако министр пропаганды доктор Геббельс реагировал иначе. В день, когда нам доставили номер этой газеты — мы еще сидели после ужина за столом, — Фриче вызвали к телефону. Вернулся он с красным, пылающим лицом. Что же случилось? Геббельс устроил ему головомойку за то, что он восхвалял Паулюса как полководца: в Великой Германской империи этот эпитет применим только к одному человеку — к фюреру и рейхсканцлеру Адольфу Гитлеру. Фриче пробыл в 6-й армии еще несколько месяцев. Насколько мне известно, он ни разу больше не проштрафился перед своим начальством.

Когда Паулюс узнал о происшествии, он рассердился.

— Чем только эти люди занимаются! Как будто это самое главное. А что мы сели в калашу главным образом потому, что верховное командование недооценивало противника, им невдомек.

— А по-моему, господин генерал, самое странное — это то, что поражения относятся целиком на счет командующих армий или групп армий — генерал Гудериан, например, после поражения под Москвой был снят и отправлен в тыл, — зато победами мы в первую очередь обязаны полководческому искусству фюрера.

— Милый Адам, надеюсь, эти крамольные мысли вы не высказываете в присутствии господина Фриче. Мне бы не хотелось, чтобы у вас были неприятности.

— Я буду осторожен, господин генерал.

Новый начальник штаба 6-й армии Шмидт

В начале мая 1942 года произошла смена в оперативном отделе 6-й армии. По требованию командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала фон Бока был снят с должности начальник штаба армии Гейм, за несколько дней до этого получивший звание генерал-майора. По мнению Бока, Гейм оказался не на высоте в тяжелой обстановке, создавшейся весной 1942 года; он якобы слишком пессимистически расценивал последствия прорыва противника под Волчанском. Паулюс говорил мне, что не согласен с этим решением. Но он ничего не сделал, чтобы помешать отставке Гейма. Меня очень поразила эта мера по отношению к генерал-майору Гейму. Я считал его способным офицером. Все начальники отделов штаба армии работали с ним дружно и сожалели об его уходе.

Гейм принял на себя командование 14-й танковой дивизией, а его преемником в штабе армии стал полковник генерального штаба Артур Шмидт. Целесообразна ли была такая замена в разгар подготовки наступления, накануне летней наступательной операции? Даже Паулюс отнесся к этому неодобрительно, в особенности когда обер-квартирмейстер, отвечавший за все снабжение, полковник генерального штаба Пампель был смещен и вместо него назначили полковника генерального штаба Финка. Шмидту и Финку нужно было за короткий срок ознакомиться с установками их предшественников. Шмидту это удалось очень скоро. Сын купца, уроженец Гамбурга, он был человеком умным, гибким, наделенным большой сметливостью, что сочеталось с твердостью, которая, впрочем, часто переходила в упрямство. А главное, было между ним и прежним начальником одно существенное различие: Гейм умел поддерживать хорошие отношения со всеми отделами штаба армии. Он был солдатом и прежде всего требовал от ка-

УЖАС СТАЛИНГРАДА

ждого своего сослуживца соблюдать дисциплину и беспрекословно повиноваться его приказаниям, но он отвечал за каждого начальника отдела и выручал его в любой ситуации. В противоположность ему Шмидт был нетерпим и заносчив, холоден и безжалостен. Чаще всего он навязывал свою волю, редко считался с мнением других. Между ним и начальниками отделов его штаба неоднократно возникали столкновения, особенно с начальником оперативного отдела, с обер-квартирмейстером и начальником инженерных войск армии. Это отнюдь не ускоряло последние приготовления к летнему наступлению. Многие офицеры нашего штаба добивались перевода в другие части. Паулюс был осведомлен об антипатии, которую внушил к себе начальник штаба. При малейшей возможности Паулюс старался сглаживать эти шероховатости, но не ставил перед собой серьезно вопроса о замене начальника штаба.

Я сожалел, что квалифицированный генштабист Шмидт не умеет установить контакт с армейской средой. Даже к Паулюсу он относился не так, как следовало бы. Шмидт пытался помыкать командующим. Это поняли и командиры корпусов, которые приняли Шмидта скрепя сердце.

Армия нуждается в пополнении

В боях за Харьков 6-я армия понесла весьма ощутительный урон, потеряв 20 тысяч человек убитыми и ранеными.

Моя задача заключалась в том, чтобы возможно скорее закрыть образовавшиеся бреши с помощью нового пополнения. Ведь в предстоящем летнем наступлении должны были принимать участие полностью укомплектованные дивизии.

В тыл были направлены заявки штабам военных округов. Уже через несколько дней поступило сообщение,

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

что первые эшелоны в пути. В Харьков ежедневно поступало пополнение, которое вливалось в дивизии.

Прибыли и последние, заново сформированные во Франции дивизии, а также штаб I армейского корпуса во главе с генералом артиллерии фон Зейдлиц-Курцбахом. Командиры дивизий являлись к Паулюсу на командный пункт в Харькове. Адъютанты передавали мне списки офицеров с указанием занимаемых ими должностей. Среди командиров дивизий оказались два старых знакомых нашего командующего: генерал-лейтенант Енеке, командир 389-й пехотной дивизии, и генерал-лейтенант фон Габленц, командир 384-й пехотной дивизии. Паулюс долго беседовал с ними. Его в первую очередь интересовали уровень боевой подготовки, боевые качества и опыт, особенно командиров полков. Я присутствовал при докладе генерал-лейтенанта Енеке. Его сообщение было неутешительным. Дивизия Енеке почти сплошь состояла из солдат, у которых отсутствовал либо был крайне мал опыт ведения войны на Востоке; так обстояло даже с командирами пехотных полков. Это были старшие офицеры, которые в прошлом находились в распоряжении службы комплектования. Затем они прошли курс обучения на полигоне Мурмелон во Франции, после чего их и назначили командирами.

— Они, конечно, еще не командиры, поскольку у них нет опыта ни в воспитании войск, ни в командовании. Двое из них, по-моему, и физически не в состоянии справиться с предстоящими трудностями, — заметил генерал Енеке. — Я был бы вам признателен, если бы вы дали мне вместо них двух обстрелянных батальонных командиров. А управлению кадров я представлю объяснение замены этих двух полковых командиров.

— Этого не требуется, господин генерал, — ответил я. — У нас есть указание перед началом наступления еще раз проверить годность всех командиров, и нам даны полномочия провести необходимые перестановки.

УЖАС СТАЛИНГРАДА

На другой же день обоих старших офицеров заменили другими, а их зачислили в резерв командного состава.

Если эту проблему еще удавалось разрешить просто и быстро, то гораздо труднее было заполнить возникшие во время боев бреши. И прежде всего это относилось к пополнению рядового состава. Зимние и весенние бои на Восточном фронте стоили нам огромных потерь. По-моему, потери вермахта зимой 1941/42 года доходили до полумиллиона. Проблема пополнения была очень серьезной уже в начале наступления 1942 года. Но она стала внушать ужас при мысли о тех далеких целях, которыми бредило верховное главнокомандование.

Гитлер проводит совещание в Полтаве

1 июня 1942 года в штабе группы армий «Юг» в Полтаве состоялось расширенное совещание командующих. Гитлер явился в сопровождении генерал-фельдмаршала Кейтеля, начальника оперативного отдела генерал-лейтенанта Хойзингера, генерал-квартирмейстера генерала Вагнера и множества адъютантов. На совещание были приглашены: генерал-фельдмаршал фон Бок, командующий группой армий «Юг», генерал пехоты фон Зоденштерн, начальник штаба группы армий «Юг», генерал-лейтенант фон Грейфенберг, впоследствии начальник штаба группы армий «А», генерал-полковник фон Клейст, командующий 1-й танковой армией, генерал-полковник Руофф, командующий 17-й армией, генерал-полковник барон фон Вейхс, командующий 2-й армией, генерал-полковник Гот, командующий 4-й танковой армией, генерал танковых войск Паулюс, командующий 6-й армией, генерал танковых войск фон Макензен, командир III танкового корпуса, и от военно-воздушных сил — генерал-полковник фон Рихтгофен, командующий 4-м воздушным флотом.

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

Обсуждался план действий на южном направлении. Гитлер уточнил цели наступления, намеченные в директиве от 5 апреля 1942 года. Он вел большую игру, по поводу чего и сам заметил:

— Если мы не возьмем Майкоп и Грозный, то я должен буду прекратить войну.

На юге России, западнее Дона, намечалась крупная операция с целью окружения и уничтожения основных сил Красной армии. При успехе этой операции открылся бы доступ к Волге и Кавказу с его нефтяными источниками и, по замыслу Гитлера, был бы нанесен смертельный удар Советскому Союзу.

Паулюс информировал наш оперативный отдел о предстоящих операциях, в которых со стороны Германии и ее союзников должны были участвовать более полутора миллионов солдат, свыше тысячи самолетов и несколько тысяч орудий всех калибров. 6-я армия первоначально получала задачу по обеспечению фланга танковой группировки, наступающей на Сталинград. Наш командующий вселил в нас уверенность. Мы все с новыми силами принялись за работу.

Хотя в ходе предыдущей операции под кодовым наименованием «Фридрих I» был уничтожен Изюмский выступ, нужно было принять меры, чтобы создать для 6-й армии более благоприятное исходное положение. 13 июня был предпринят удар на Волчанск, получивший название операция «Вильгельм», и 22 июня — удар на Купянск (операция «Фридрих II») совместно с III танковым корпусом, который затем остался в подчинении 6-й армии. Танки с грохотом помчались вперед, пехота и артиллерия заняли свои исходные позиции. После короткого массированного огневого удара из сотен орудий наши войска прорвались вперед, смыкая клещи. В течение нескольких дней окруженные соединения были разбиты. Мимо двигавшихся на новые исходные позиции немецких войск продефилировало 20 тысяч пленных в наш тыл.

Русские сбивают самолет майора Рейхеля и захватывают оперативный план

19 июня после напряженного рабочего дня я сидел в комнате полковника Фельтера. Он отбирал донесения корпусов, чтобы передать их дальше, в группу армий. Было около 20 часов. В эту минуту позвонил телефон. Фельтера срочно вызывал начальник оперативного отдела XL танкового корпуса.

— Соедините немедленно!

Смысл последовавшего длинного разговора я не мог уловить. Однако я заметил, что лицо Фельтера все мрачнеет. Он с раздражением брякнул трубкой.

— Только этого нам не хватало. Сбит «Физелер-шторх» с начальником оперативного отдела 23-й дивизии майором Рейхелем. Он вез с собой карты и приказы на первый период нашего наступления.

Я так растерялся, что ничего толком не мог спросить. Мало-помалу до моего сознания дошло то, что в нескольких словах наспех объяснил мне Фельтер.

После совещания, состоявшегося при XL танковом корпусе в Харькове, майор Рейхель решил вернуться в свою дивизию на «Физелер-шторхе». Но уже стемнело, а он еще не вернулся. Офицер связи позвонил в штаб корпуса, чтобы проверить, не вылетел ли обратно Рейхель с опозданием. Но это предположение не оправдалось. Танковый корпус немедленно организовал поиски исчезнувшего офицера. Тогда одна из дивизий сообщила печальную весть, что во второй половине дня противник сбил какой-то «Физелер-шторх» за линией фронта. Разведывательные группы пехоты нашли самолет километрах в четырех от нашей передовой. Очевидно, он совершил вынужденную посадку, потому что при обстреле у него был пробит бензобак. Трупы майора Рейхеля и летчика были подобраны там же. А приказы и карты исчезли бесследно. Их захватили русские. Это грозило ро-